

Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.)

Постановка проблемы. Одним из методов изучения социальной стабильности в российских регионах является учет фактора присутствия иностранных трудовых мигрантов. Проблема особенно злободневна и в контексте происходящих сегодня событий в миграционной сфере в современной Европе, и в миграционных процессах в Северо-Восточной Азии, а также в связи с новым подходом России к развитию дальневосточного региона.

Хотя в отечественном законодательстве нет определения "трудящегося-мигранта", а есть понятие "иностранного работника"¹ [33], в историческом исследовании вполне допустимо применение термина иностранные трудовые мигранты (ИТМ). Смысл его введения заключается в том, что историк рассматривает иностранного работника не только как рабочую силу, а как часть дальневосточного социума, даже в период временного его пребывания. Важный аспект исторической постановки проблемы – выявление изменений позиций региональной политической элиты в отношении к ИТМ, которые разными информационными путями транслируются в социум.

Дискуссии о необходимости привлечения в российскую экономику иностранной рабочей силы ведутся уже давно, и далеко не последнее место в них занимает Дальний Восток России. В период с 2012 по 2019 гг. в стране были приняты Концепции государственной миграционной политики (2012, 2018) [19; 20]. До принятия концепции 2012 г. дальневосточный регион, с учетом реализации российской миграционной политики, пережил разные ситуации. Их можно охарактеризовать в контексте двух проблем: разрешение ситуации дефицита трудовых ресурсов путем привлечения мигрантов и накопление общественных рисков в этой сфере, опыт их устранения. Сам подход не новый, но изучаемый отрезок времени своеобразен для дальневосточного региона. К тому же в литературе, с ориентацией на конкретный дисциплинарный подход, эти проблемы рассматриваются, как правило, отдельно.

Цель статьи – на основе синтетического подхода раскрыть отношение Федерального центра и региона к иностранным трудовым мигрантам до и после принятия в 2012 г. "Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года" [19] (далее в тексте – Концепция), в которой разработчики попытались разрешить непроходящий комплекс проблем, возникающий в процессе привлечения ИТМ (справиться с дефицитом трудовых ресурсов в регионе и одновременно обеспечить социальную безопасность).

Для достижения цели важно решить конкретные задачи: охарактеризовать основные тенденции в истории постсоветской миграционной политики, в той ее части, что касается ИТМ; определить позиции дальневосточных политиков в данном вопросе, выявить основные изменения в самих мигра-

---

¹ Иностраный работник – иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность.

ционных потоках, влияние определенных факторов на количественные их характеристики; установить факты взаимосвязи между отношением социума к иностранным трудовым мигрантам и особенностями позиций региональных политиков.

Четкую периодизацию региональной политики относительно иностранной трудовой миграции в рамках обозначенных аспектов дать сложно. Проблема заключается в том, что развитие миграционной политики и изменения в составе ИРС на территориях происходили не синхронно. А меры, отражающие курс прагматизма и обеспечения социальной безопасности, также могут не совпадать. В статье использована методика выделения главных общероссийских и местных событий, которые в той или иной степени оказывали воздействие на позиции политиков в лице губернаторов, а также на изменения в потоках ИРС.

Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов в 1990-е – 2008 гг. Постсоветское правительство унаследовало российскую и советскую традицию относительно Дальнего Востока: ставить на повестку дня одновременно два вопроса: как решить дефицит трудовых ресурсов на территории и как обеспечить социально-политическую безопасность в связи с присутствием иностранцев? Хотя был небольшой отрезок времени – 90-е годы XX в., когда в условиях развала советской экономики и роста безработицы вопрос о дефиците трудовых ресурсов на территории у политиков отошел на второй план. Регионалам-управленцам пришлось заниматься обустройством беженцев и вынужденных переселенцев [4]. Главным направлением стала также борьба с незаконной китайской миграцией. Вполне можно согласиться с мнением А. А. Киреева, что в истории политики в 1988–2012 гг. по отношению к китайской рабочей силе можно выделить четыре этапа [18, с. 18]. На рубеже XX и XXI в. власти уделяли внимание и контролю за оставшимися с советских времен на территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской области северокорейскими рабочими [14, с. 112–114; 31; 34].

Именно все эти вопросы оказались в центре внимания созданных на территориях контролирующих органов – Федеральной миграционной службы (ФМС). А научные дискуссии по миграционным процессам в дальневосточном регионе, которые наполняли информационное пространство, велись преимущественно вокруг темы "желтой опасности" или миграционной экспансии Китая, о чем подробно уже изложено в литературе [1; 22, с. 140; 28].

Миграционные службы на местах постепенно приобретали опыт регулирования иностранных трудовых потоков. По мере формирования рыночной системы власти дальневосточных субъектов РФ должны были учитывать интересы нового социального слоя предпринимателей; для которого актуально получение прибыли за счет экономии затрат, в частности более низкой оплаты труда мигрантов, их дисциплины, исполнительности. Сами же трудовые мигранты, заинтересованные в быстром, пусть даже невысоком, а стабильном получении источника доходов, увидели для себя такие возможности в 1990-е – начале 2000- гг. на южных приграничных территориях Дальнего Востока.

Наибольшую активность проявили китайские граждане, используя несовершенство российского законодательства, отсутствие опыта у территориальных УФМС. Они, опираясь на свою изобретательность и открывшиеся возможности туристических поездок в приграничные российские районы, стали серьезным вызовом для политиков и управленцев. К концу 1990-х г. властям Приморского и Хабаровского краев, Амурской области удалось навести относительный порядок в пребывании псевдотуристического китайского потока. Это был определенный успех на пути к сокращению социально-политических рисков, хотя добиться ликвидации незаконной занятости рабочей силы из КНР и снижения административных правонарушений в регионе не удалось [5]. Например, в Приморском крае ежегодно привлекались 6–10 тыс. тыс. китайских граждан, это в среднем 70% от иностранных рабочих, в 2001 г. – 80% (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН². Материалы полевых исследований 1999–2001 г. А. С. Ващук; Ответы УФМС на запросы ИИАЭ ДВО РАН). Многие

² ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН – Текущий архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН

предприниматели не оформляли пребывание рабочих из КНР должным образом, и их занятость оказывалась незаконной. Эксперты считают, что тогда на одно оформленного легального китайского рабочего в России приходилось 10 незаконно трудящихся [21]. С начала 2000-х годов смыслом иммиграционной политики становится борьба с незаконной миграцией. В 2002 г. ФМС России была передана в ведомство МВД.

Споры вокруг незаконной миграции, проходившие на различных экспертных площадках в центре и в дальневосточном регионе, имели резонанс в политических кругах и стимулировали разработку новых норм регулирования на федеральном уровне. Кроме того, в начале 2000-х годов на Дальнем Востоке обозначился новый фактор – рост нового трудового потока из государств участников СНГ, который значительно актуализировал необходимость внесения корректив в иммиграционную политику.

С увеличением данного потока развитие теневого сектора на рынке труда получило новый импульс. Наибольший удельный вес среди нелегалов занимали лица, занятые в теневом и частном секторах, примерно 40% и 32% соответственно [21]. В среднем доля занятых работников из государств-членов СНГ в экономике региона тогда составляла 10%. При этом надо учесть, официальной статистикой охватывалось только от 5 до 10% реальной трудовой миграции [21, с. 75].

Увеличение и усложнение состава иностранных трудовых мигрантов в России, в том числе и в регионе, наличие теневого сектора на рынке труда, включая иностранцев, а также рост административных правонарушений приехавших как из КНР, так и из государств СНГ, формирование иностранными трудовыми мигрантами определенных отраслевых ниш [14, с. 139–145; 27] – все это продолжало быть основой для мигрантофобий и поводом для бурных обсуждений в экспертном и академическом сообществах, и в целом фактором внесения новых корректив в миграционное законодательство. Как известно, не все негативные практики привлечения иностранной рабочей силы были связаны с пробелами в миграционном законодательстве, но именно такие вопросы оказались в центре внимания Федерального центра.

Специфика исторического момента 2005-2006 гг. состояла в том, что одновременно на уровне Президента РФ поднимается вопрос о развитии Дальнего Востока как главным инструменте обеспечения национальной безопасности российских территории [14, с. 148]. Региональные политики и экспертное сообщество мгновенно реанимировали тему трудовых ресурсов, вывели её на первый план дальневосточной политики. Команда В. В. Путина предпринимает шаги по восстановлению роли государства в регулировании обеспечения региона трудовыми ресурсами.

С 2007 г. в стране вводится уведомительный порядок для трудовых мигрантов из государств СНГ. Либерализация порядка въезда в определенной степени была продиктована на тот период экономическими и социально-политическими обстоятельствами. Во-первых, переосмыслением Федеральным центром роли мигрантов из СНГ в дальневосточном регионе как возможной альтернативы внутреннему переселению. Во-вторых, инициаторы включения этой новации в миграционное законодательство надеялись на то, что уведомительный порядок в комплексе с другими мерами приведет к снижению правонарушений мигрантами. Нововведения 2007-2008 гг., уже проанализированные в литературе [18, с. 17–14; с. 146–156], не дали ожидаемых результатов в дальневосточном регионе. Так рост численности приехавших из Узбекистана сопровождался в дальнейшем увеличением числа административных правонарушений. В общей массе всех административных правонарушений самая большая доля относилась к сфере въезда, режима пребывания иностранцев (ст.ст. 18.8, 18.9, 18.11, 18.12, 18.18, 18.19 КоАП РФ) [5, с. 97]. Ситуация по-прежнему заставляла все структуры системы управления миграциями уделять пристальное внимание законности пребывания мигрантов из государств СНГ, включая контрольные проверки предприятий, которые использовали ИРС.

В 2007 г. численность въехавших с целью работать в ДФО из стран СНГ, в основном из Узбекистана, Таджикистана и Украины, возросла почти на 13% по сравнению с предшествующим годом. В Приморье в безвизовом порядке в этом же году въехало мигрантов в 8,5 раз больше, чем в 2006 г. Подобное явление

ние вызвало разную реакцию в экспертном сообществе и среди управленцев. В Приморском крае были сильны позиции ряда чиновников и также части экспертов, которые оставались сторонниками привлечения рабочей силы из КНР³. Такой же позиции придерживался и приморский губернатор в те годы С. М. Дарькин [9]. Ориентация на китайскую составляющую для поддержки сельского хозяйства проявлялась также в ЕАО. Сдержанный характер по вопросу привлечения мигрантов из КНР и СНГ проявлялся в политической риторике в Хабаровском крае. Представители других региональных органов власти высказывались против миграции китайцев: например, вице-губернатор Сахалинской области И. Малахов предлагал восстановить приграничную зону всех островов, входящих в состав области [26, с. 1031].

После 2007 г. действия правительства по сокращению рисков в иммиграционной сфере имели на региональном уровне несколько особенностей и все они касались правого регулирования. Были сделаны шаги по усовершенствованию процедуры квотирования. Применительно к ИРС из дальнего зарубежья она стала проводиться в регионах России еще с 2003 г., с 2007 г. механизм предоставления квот изменился: стали учитывать как количественные, так и качественные характеристики (профессию, квалификацию, состояние здоровья трудовых мигрантов), а также региональные особенности российского рынка труда.

Введение такого порядка была попыткой ограничить численность въезжающих в Россию с учетом емкости локальных рынков труда принимающих регионов. В 2008 г. правительство выступило с инициативой сократить квоты на привлечение иностранной рабочей силы в России на 2009 г. в два раза [30]. Реально в целом по стране смогли снизить квоты только на 16,4% [12].

Сначала путем квотирования власть приветствовала поддержку определенных отраслей в регионах, куда могли привлекаться ИРС, но уже в 2009 г. она пошла на сокращение квот для Дальнего Востока (то есть из стран с визовым въездом). Данное событие послужило "сигналом" для корректировки некоторыми губернаторами своих позиций в этом вопросе. В 2007-2008 гг. основное внимание власти на местах было сосредоточено на упорядочении торговой деятельности граждан КНР и на контроле над соблюдением прибывающими из Узбекистана, Таджикистана миграционного законодательства.

Изменения в политике привлечения ИТМ и потоках ИРС гг. в 2009–2018 гг. Политика постоянной балансировки между прагматическими выгодами использования ИРС и решением задачи обеспечения социально-политической безопасности, осуществляемая на Дальнем Востоке России в течение более десяти лет, привела к реанимации одной из форм советского опыта – организованному набору ИРС на строительство объектов саммита 2012 г. во Владивостоке. (Безусловно, в несколько измененной форме). Согласно ФЗ от 8 мая 2009 г., правительством РФ был установлен ускоренный и упрощенный порядок выдачи приглашений на въезд в Россию и разрешений на работу иностранным гражданам, занятым на строительстве объектов саммита [32]. Численность таких мигрантов не входила в общую квоту для иностранцев. Данный пример ярко демонстрирует прагматизм власти при реализации крупного национального проекта. После завершения основных объектов активизировались меры по обеспечению социальной стабильности – в публичной демонстрации отправки мигрантов из государств СНГ на родину и в активной кампании по борьбе с незаконной занятостью рабочих из Узбекистана. Тема отправки гастарбайтеров была озвучена лично Приморским губернатором В. В. Миклушевским: "В Приморье действует достаточно жесткое правило: сокращение квоты на привлечение иностранной рабочей силы. С работодателями, которые привлекали мигрантов на стройки АТЭС, была договоренность: после окончания строек мигрантов организовано, соблюдая все права человека, сажали на автобусы с офицером ФМС, везли в аэропорт, сажали на самолет – и они улетали", – сказал губернатор [25].

Динамика официальной численности занятых ИТМ в регионе после 2010 г. постоянно колебалась [29], и даже в 2015 г. она сократилась в Приморье и Хабаровском крае. Кроме того, появилась тенденция сокращения доли

³ Выводы сделаны автором на основе многочисленных материалов круглых столов, проводившихся на разных площадках Владивостока, посвященных ситуационному анализу.

Таблица 1. Численность иностранных граждан, имевших действующие патент и разрешения (2013–2016) в ДФО (по данным МВД)

	2013	2014	2015	2016
Патент*	64 260	62 824	49 406	43 186
Разрешения	72 478	70 939	34 443	30 135

* Согласно законодательству за 2013-2014 гг. данные только о работающих у физических лиц, с 2015 г. – физических и юридических лиц

Источник: составлено на основе [23, с.81, 82, 88].

граждан из КНР и КНДР в общем потоке иностранной рабочей силы, о чем свидетельствуют сведения о получивших разрешение на работу из дальнего зарубежья (табл. 1).

Граждане, въезжающие в Россию в безвизовом порядке, с 2015 г. получили возможность трудиться по патенту не только у индивидуальных предпринимателей, но у юридических лиц (ранее по патенту мигранты могли работать только у физических лиц). Число тех, кто приобрел патенты, не только не увеличилось, а напротив, сократилось. Данные таблицы подтверждают мнение экспертов, что доля незаконно занятых трудящихся на рынке труда не сокращалась (см.: табл. 1). Правда, надо учитывать, что иностранным работникам из государств, входящих в ЕАЭС (например, из Киргизии и Армении и др.), патент покупать не нужно.

В рассматриваемый период и сами структуры управления трудовой миграцией на местах не смогли в своей деятельности преодолеть негативных явлений, которые также представляли угрозы в сфере безопасности иностранной трудовой миграции. Присутствием иностранных трудовых мигрантов пользовались и отдельные жители региона, регистрируя десятками иностранцев на своей жилой площади за хорошую плату. В целом территория своими специфическими проблемами привлечения ИТМ вливалась в общероссийскую проблему обеспечения социально-политической безопасности.

Региональная особенность складывается под влиянием совпадения во времени решения двух политических событий: это образование Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока и принятию 13 июня 2012 г. новой миграционной концепции в РФ до 2025 г. В регионе началось активное внедрение новых форм развития территорий (в частности, ТОРыбов, Свободного порта Владивосток), и одновременно власти пытались реализовать миграционную Концепцию 2012 г.

Правительство, разрабатывая эту Концепцию, вынуждено было признать: миграционное законодательство России не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества; оно было ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержало мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. В Концепции подчеркивалось, что привлечение ИРС в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития, хотя не единственным инструментом.

После принятия новой Концепции критическое восприятие местными политиками использования ИРС как инструмента решения дефицита трудовых ресурсов начинает проявляться достаточно ярко. Во-первых, поднимается вопрос об отношении китайских работников к соблюдению экологических норм в сельском хозяйстве. В 2012 г. впервые за значительный отрезок времени в Амурской области (как территории концентрации трудовых мигрантов) власть пошла на резкое сокращение заявок. В Сахалинской области после завершения строительства завода сжижено-природного газа (СПГ) обострилось отношение местных жителей к трудовым мигрантам, и власти стали сдерживать "аппетиты" работодателей, сокращая квоту [3, с. 190–194]. В 2013 г. по

причине нарушений земельного законодательства в Амурской области был введен запрет на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство. Потребности области в трудовых ресурсах компенсировались за счет привлечения граждан СНГ и КНДР. В Приморском крае также обсуждался этот вопрос [3, с. 190–194]. В 2014 г. на совещании в Октябрьском районе В. В. Миклушевский четко выразил свою позицию: "В вашем районе вопрос привлечения иностранной рабочей силы стоит остро – мы поддерживаем привлечение инвестиций, но их надо использовать для создания рабочих мест, в первую очередь, для приморцев. Мы должны действовать исключительно в интересах жителей края"[16]. (Хотя, как выяснилось позже нами, при взятии интервью, не все управленцы этого района разделяли мнение губернатора о необходимости сокращения рабочей силы из КНР. (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью А. С. Ващук с представителями Администрации Покровского сельского поселения Октябрьского муниципального района Приморского края. 14 июля 2017 г.).

Градус общественного резонанса в Приморье по отношению к ИРС изучается многими социологами, и результаты отличаются конкретными его характеристиками за определенные годы и в связи с разными задаваемыми вопросами в анкете. Тем не менее, общий вывод ученых все-таки можно сравнивать. Так, М. Алексеев, профессор из университета Сан Диего (Калифорния) считает, что уровень мигрантофобии на 2013 г. оставался высоким. Почти три четверти респондентов и в 2005, и в 2013 г. высказались против предоставления всем мигрантам безусловного права на постоянное жительство в Приморье. Число респондентов, поддержавших лозунг "Россия – для русских", выросло за этот период времени с 65% до 77%" [2]. Имеются данные приморских исследователей, которые позволяют заметить, что такая оценка несколько преувеличена при определении ситуации. Например, А. В. Винокурова и А. Ю. Ардалянова справедливо подчеркивают, что, с одной стороны, эксперты и коренные жители осознают необходимость привлечения трудовых мигрантов. (Например, 2015 г. в домохозяйствах Приморского края работали 26 тыс. иностранцев, в том числе – 9,4 тыс. граждан Узбекистана и 8,4 тыс. чел. из КНР). С другой стороны, высказываются мнения, выражающие тревогу относительно притока трудовых мигрантов из бывших союзных республик и стран АТР. Инфранты также демонстрируют высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными собственными жизненными перспективами [6]. Это вывод дополняется мнением других специалистов. "Большинство респондентов-приморцев (63%) высказались нейтрально, отвечая на вопрос о поддержке митингов и пикетов против иностранных трудовых мигрантов" 15% поддерживают такие акции [24, с. 108]. Чуть более трети опрошенных (38%) демонстрируют положительные установки на взаимодействие с ними (с мигрантами общаются практически ежедневно). В ответах по другим вопросам прослеживается более критическое отношение населения к присутствию ИТМ из Узбекистана и Таджикистана, в частности к совместному обучению с детьми мигрантов, к занятости в медицинских учреждениях выходцев из государств Средней Азии [24, с. 108]. Безусловно, статистически трудно отразить противоречивое влияние общественного мнения на позиции политиков, тем не менее, как мы видим, губернаторы разъясняют свои решения защитой интересов местных граждан.

Приморские социологи уловили современную тенденцию в общественном поведении. Население находится в рамках определенной модели поведения: между прагматическими интересами присутствия иностранных мигрантов (часть населения заинтересована в использовании труда приезжающих для работы в домохозяйствах, в приобретении дешевых товаров на рынках у иностранных торговцев, в сокращении затрат при ведении бизнеса) и чувствами необходимости защиты себя государственными мерами.

Вследствие переплетения внутренних социально-политических обстоятельств в регионе, а также в силу внешних факторов, менялась структура потока международной миграции. Достаточно ярко это было выражено на территории приграничной Амурской области. В 2001 г. сюда прибыло всего лишь 499 чел. из стран – членов СНГ. В 2011 г. доля трудовых мигрантов из СНГ составляла 15,8%, в 2014 г. – уже 30,0%, а в абсолютном выражении их численность увеличилась более чем в 2 раза. Хотя в абсолютных показа-

Таблица 2. Трудовые мигранты в Амурскую область из СНГ, КНР и КНДР (2010–2014 гг.)

Страны-доноры	2010	2011	2012	2013	2014
СНГ	1686	1824	2769	2260	3411
КНР и КНДР	8660	8474	8013	7917	7941

* Согласно законодательству за 2013-2014 гг. данные только о работающих у физических лиц, с 2015 г. – физических и юридических лиц.

Источник: составлено на основе (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Ответ УФМС Амурской области на запрос ИИАЭ ДВО РАН. 2015).

телях таких было в два раза меньше, чем из традиционного зарубежья (см. табл. 2).

Позиция губернаторского корпуса в вопросе о рациональной необходимости сокращения в регионе ИРС была в определенной степени ответом на негативное общественное мнение и демонстрацией своих позиций – выступить защитником интересов дальневосточников. Бывший губернатор Хабаровского края, а также бывший полномочный представитель Президента РФ по ДФО В. И. Ишаев с осторожностью относился к возможности предоставлять гражданство китайцам. В Сахалинской области, в соответствии с Постановлением губернатора Сахалинской области, на 2016 г. был введен запрет на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по некоторым видам экономической деятельности (производство хлеба и хлебобулочных изделий, производство мучных кондитерских изделий, перевозка автомобильным пассажирским транспортом в междугородном сообщении, а также деятельность автобусного транспорта и такси, торговля алкогольными напитками и табачными изделиями) [26].

В дальневосточном регионе ситуация противоречий между экономическими выгодами использования ИРС и остротой обеспечения социальной стабильности стала одним из главных факторов формирования политического и экспертного мнения: необходим переход от ситуационных принятых решений к стратегическому подходу. Это мнение вливалось в общее русло многочисленных общероссийских обсуждений и дискуссий. [Подробно см.: 15]. Одновременно в управленческих кругах шло обсуждение идеи о новых формах управления развития дальневосточной территории.

Организация Министерства по развитию Дальнего Востока и создание ТОРов в регионе стали дополнительным и важным фактором корректировки отношения политиков к ИРС, в котором стала часто проследиваться поддержка инвесторов, резидентов ТОРов, и Свободного порта Владивосток. Такую позицию продемонстрировал бывший Министр РФ по развитию Дальнего Востока А. Галушка. Он, пребывая в очередной раз в Пекине по вопросу сотрудничества, обратил внимание на то, что российские власти намерены постепенно восполнять нехватку квалифицированных специалистов в ряде новых видов производства на российском Дальнем Востоке отечественными кадрами. Министр привел конкретный пример из практики. "У нас действительно не было нужных специалистов, и в силу нехватки была иностранная рабочая сила. Но чтобы проект не тормозить, мы с инвестором договорились, и это модельное решение, – отметил он, приводя пример индийской компании во Владивостоке. – Да, на начальном этапе задействована иностранная рабочая сила, но и самому инвестору это невыгодно. И у нас программа постепенного переобучения, а также замещения иностранцев людьми, которые проживают в Приморье, российской рабочей силой, так мы этот вопрос решили... Наша работа и обязанность – обеспечить инвестиционные проекты необходимыми кадрами" [8]. По законодательству иностранная рабочая сила может привлекаться кампаниями-резидентами ТОРов, предусмотрены также упрощенные сценарии. Оценка потребностей в иностранных специалистах и

решение данного вопроса должны производиться на уровне наблюдательного совета каждой территории.

Для решения проблемы трудовых ресурсов правительство РФ в 2015 г. специально учредило Агентство развития человеческого капитала на Дальнем Востоке. В этом же году была заявлена программа "Повышение мобильности трудовых ресурсов", участниками которой стали дальневосточные субъекты. Так, в редакции Федерального закона от 03.07.2018 N 190-ФЗ статья 22.2. посвящена содействию работодателям в привлечении трудовых ресурсов в рамках реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов [11]. Принятие данной программы показывает, что власть возвращается к идее стимулировать внутреннюю миграцию на Дальний Восток, постепенно ограничивая численность ИРС. Работодателю, участвующему в региональной "Программе повышения мобильности трудовых ресурсов", в целях привлечения для трудоустройства работников из других субъектов Российской Федерации предоставляется финансовая поддержка [11]. Хотя практика трехлетней деятельности АРЧК и реализация региональных программ трудовой мобильности пока видимых результатов не принесли.

Миграционные потери ДФО в обмене с другими регионами России в результате проводимого государственного курса в 2012–2016 гг. и под воздействием других объективных обстоятельств составили 170 тыс. чел. Миграционный прирост за счет международной миграции – около +50 тыс. чел. Это сократило общую миграционную убыль за пять лет до 120 тыс. чел. Доля международных мигрантов в составе прибывших в ДФО в 2012–2016 гг. составляла 26%, среди выбывших – 14%. За этот же период общее положительное сальдо сократилось в 1,7 раза, с 16 до 8 тыс. чел. Особенно заметно это снижение произошло в Приморском, Камчатском краях, Чукотской автономной области, увеличение произошло только в Магаданской области [10, с. 88–94].

В связи с принятой методикой учета можно говорить о численности ИТМ только в рамках тенденций. Проблему статистики историк может лишь частично решить, обратившись к информации о мотивах приезда. В 2016 г. из 450 тыс. иностранцев, поставленных на миграционный учет в ДФО первично, только 154 тыс. чел. или 34% указали целью прибытия "работу". Число иностранцев, проживающих в ДФО (по виду на жительство и разрешению на временное проживание), в конце 2016 г. достигло всего 36 тыс., это всего лишь 3% общероссийского показателя. Большинство из ИТМ жили и трудились в Приморском (36%) и Хабаровском краях (20%).

Из общей численности граждан, имевших разрешение на работу по ДФО, 29% были гражданами КНР [10]. С 2013 г. количество выданных разрешительных документов на работу (разрешений и патентов) уменьшилось с 136 до 73 тыс., а их доля в общероссийском показателе снизилась с 6,5% в 2012 г. до 2,7 в 2016 г. [23, с. 62, 88].

Как справедливо подчеркивают многие исследователи, о составе потока потенциальных трудовых мигрантов по выданным разрешениям на работу и патентам судить сложно: эта система не охватывает граждан ряда государств. А сами разрешения не отражают настоящую численность. Дальневосточный опыт подтверждает, что расширение "формата" патента для граждан из государств, имеющих безвизовый режим с Россией, не сказалось на повышении уровня законопослушности приезжающих из Узбекистана (одним из способов определения уровня законопослушности мигрантов является количество совершаемых ими административных правонарушений) [см. подробно: 5].

В то же время ужесточение условий допуска иностранцев на российский рынок труда⁴ как часть политики снижения общественных рисков все-таки сказалось на сокращении численности трудовых мигрантов из стран СНГ в 2015–2016 г. К 2018 г. многие мигранты из Узбекистана уже адаптировались к новым требованиям, включились в процесс сдачи тестов и получили опыт приобретения патентов. В 2017 г. 78% трудовых мигрантов, которые приобрели патенты, работали у физических лиц [23]. Основные специальности, по

⁴ С 2015 г. иностранные граждане обязаны пройти тестирование на знание русского языка, основ истории и законодательства РФ, оплатить (купить) полис медицинского страхования, патент, стоимость которого дифференцирована по территориям.

которым граждане ближнего зарубежья оформляли патенты, – подсобный рабочий (67%), а также повар, продавец, уборщик и водитель.

Изменения в ситуации привлечения ИРС связаны с разными причинами. Новой характеристикой ситуации привлечения ИРС стало резкое сокращение северокорейских рабочих на региональном рынке труда, это было прямым следствием присоединения России к санкциям в отношении КНДР, связанных и испытанием ядерного оружия [34].

На пограничных территориях после образования нового министерства в дальневосточном губернаторском корпусе начинается ярко прослеживаться линия на сокращение иностранной рабочей силы как из КНР, так и из стран СНГ, в частности их Узбекистана. Например, в Приморье с приходом на пост губернатора О. Кожемяко курс на сокращение привлечения иностранной рабочей силы приобрел характер жесткой установки. В июле 2019 г на совещании с главами муниципальных районов по кадровому вопросу он, подводя итоги, сказал: "Главам мы поставили задачу – опираться на собственные возможности, искать трудовые резервы на своих территориях, решать вопросы трудоустройства населения и платить им достойную зарплату" [17]. Губернатор подписал распоряжение, согласно которому с 2020 г. в Приморье вводится запрет на работу в сфере транспорта для иностранцев. Ограничение коснется работы иностранных граждан по патентам как в общественном транспорте, так и в такси [7].

Выводы. Таким образом, процесс привлечения ИРС в экономику региона в начале XXI в. имел очень динамичный характер, в период с 2006 г. власти главное внимание уделяли законодательному регулированию. До 2012 г. на приграничных территориях власть активно пыталась балансировать между решением двух задач: способствовать решению проблемы дефицита трудовых ресурсов, обращая особое внимание на составляющую ИТМ; путем жесткого контроля над потоками ИТМ обеспечивать социально-политическую безопасность. После создания Министерства по развитию Дальнего Востока крен был сделан в сторону обеспечения социально-политической безопасности, под прикрытием идеологии внедрения новых форм управления развитием дальневосточных территорий, а также интересов местного населения. Идеологическая направленность государственной миграционной концепции на период до 2025 г. была воспринята региональными политиками как сигнал на сокращение привлечения ИРС. Кроме того, многие характеристики диверсификации ИРС в регионе были связаны не только с принятием поправок в законодательстве и с политическими решениями, но и с целым набором факторов, которые исходили от процессов в стране-доноре, как в случае с КНР и Украиной или внешнеполитических обстоятельств – в ситуации с КНДР, а также проявлениями экономического кризиса в странах. Данный блок факторов оказался новым вызовом для российской иммиграционной политики, они не могли быть предусмотрены и фактически не брались во внимание российской политикой в области планирования привлечения иностранной рабочей силы.

В 2015–2018 гг. наиболее ярко в публичном пространстве прослеживается жесткая риторика по отношению к иностранным трудовым мигрантам, что можно расценивать как отражение линии на укрепление социально-политической безопасности. В эти годы прагматический курс меняет свое содержание под влиянием утверждения новой стратегии управления развитием дальневосточных территорий и тактикой поддержки иностранных компаний - инвесторов, которые сами имеют возможность привлекать ИРС. Со стороны Федерального Центра прослеживается попытка реанимировать внутреннюю миграцию на Дальний Восток. Тем не менее, быстро отказаться от масштабного использования неквалифицированной рабочей силы в некоторых отраслях на Дальнем Востоке в ближайшее время не удастся.

Авторский подход к изучению проблемы дает основание утверждать, что в политике на Дальнем Востоке происходило некоторое обобщение: этническое, социальное и культурное разнообразие мигрантов объединялось в единое явление, противостоящее в свою очередь социально-культурному монолиту принимающего сообщества. Этническая окрашенность трудовой миграции особенно болезненно воспринималась местными сообществами.

Литература

1. Авраменко С. В. Организация мероприятий по борьбе с незаконной миграцией на российско-китайской границе // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-meropriyatiy-po-borbe-s-nezakonnoy-migratsiey-na-rossiysko-kitayskou-granitse> (дата обращения: 26.08.2019).
2. Алексеев М. Китайская миграция на российском Дальнем Востоке // Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1324796-echo/> (дата обращения: 27.08.2019).
3. Ващук А. С. Миграционные тренды и проблемные точки реализации миграционной политики на Дальнем Востоке России (2007–2014 гг.) / А. С. Ващук // Восьмые Гродековские чтения. Дальний Восток России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Хабаровск, 15–17 апр. 2015 г.). Хабаровск, 2015. Т. 1. С. 188–196.
4. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2002. 229 с.
5. Ващук А. С., Шишкина О. Е. Состояние административной деликтности в сфере миграции в 2010–2014 гг. (на материалах Приморского края и Амурской области) // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. Научный и общественно-политический журнал. Владивосток: ДВФУ, 2015. № 3. С. 90–100.
6. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 43–55.
7. Власти Приморья вводят запрет на работу иностранцев в сфере городского транспорта // БФМ.РУ – официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/424840> (дата обращения: 18 сентября 2019).
8. Галущко А. С. Иностранная рабочая сила на Дальнем Востоке будет замещаться российской // Рамблер. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/baltic/38333445-galushka-inostrannaya-rabochaya-sila-na-dalnem-vostoке-budet-zameschatsya-rossiyskou> (дата обращения: 24.08.2019).
9. Дарькин С. М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М.: Дело, 2007. 440 с.
10. Донец Е. В., Чудиновских О. С. Современные тенденции миграции в регионах дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 88–94.
11. Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 11.12.2018) "О занятости населения в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 24.08.2019).
12. Занданова О. Ф. Квотирование иностранной рабочей силы: региональный аспект // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochey-sily-regionalnyu-aspekt> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Иванов С. А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 35–46.
14. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начала XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. 229 с.
15. Ихванюк И. Поучительная история концептуализации миграционной политики в Российской Федерации // Миграции в России 2000–2012. Хрестоматия в трех т. Т. II. М.: Спецкнига, 2013. С. 158–194.
16. Квоту на привлечение иностранной рабочей силы в Приморье сократят // Без формата. [Электронный ресурс]. URL: <http://vladivostok.bezformata.com/listnews/kvotuna-privlechenie-inostrannoy-rabochey/22796985/> (дата обращения: 12.09.2019).
17. Квоты выдавать не будем. Кожемяко выгоняет иностранную рабочую силу из Приморья. [Электронный ресурс]. URL: <https://portofranko-vl.ru/ru/publication/kvoty-vydavat-ne-budem-kozhemyako-vygonyaet-inostrannuyu-rabsilu-iz-primorya> (дата обращения: 12.09.2019).
18. Киреев А. А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 8–25.
19. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 8 июня 2012 г. № Пр-1490. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 12.09.2019).
20. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утверждена 31 октября 2018 года) // Официальные сетевые ресурсы Президента России. <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 10.08.2019).
21. Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюрюканова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia, 2000. 96 с.

22. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
23. Международная миграция в России. Профилактика социальных рисков / Под ред. О. И. Бородкиной, Н. В. Тавровского. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2018. 192 с.
24. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2018 год. М.–Омск: "Издательский центр КАН", 2019. 118 с.
25. Миклушевский В. Мы сокращаем квоты на привлечение иностранной рабочей силы // ОТВПрим. [Электронный ресурс]. URL: https://otvprim.ru/news/news_politics/imported_Politika_24177_2013_12_18 (дата обращения: 05.07.2019).
26. Мищук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028–1040.
27. Мищук С. Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока // Известия РАН. Сер. Географ. 2016. № 1. С. 38–48.
28. Пальников М. С. Миграционная экспансия Китая: Вызовы и угрозы для России // Актуальные проблемы Европы. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-ekspansiya-kitaya-vyzovy-i-ugrozy-dlya-rossii> (дата обращения: 26.07.2019).
29. Программа дополнительных мер снижения напряженности на рынке труда Хабаровского края в 2011 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/32334456-Programma-dopolnitelnyh-mer-snizheniya-napryazhennosti-na-rynke-truda-habarovskogo-kraja-v-2011-godu.html> (дата обращения: 20.08.2019).
30. Путин заявляет о временном характере сокращения квот на мигрантов в РФ // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20081205/156594945.html> (дата обращения: 05.07.2019).
31. Троякова Т. Г. Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. С. 81–90
32. Федеральный закон от 8 мая 2009 г. N 93-ФЗ "Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран - участников форума "Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество" в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Техэксперт. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902155733> (дата обращения: 12.08.2019).
33. Федеральный Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/184755/paragraph/159720:0> (дата обращения: 12.08.2019).
34. Vashchuk A. S. La main d'œuvre nord-coréenne en Russie // Russie – 2018: regards de l'Observatoire franco-russe. L'Observatoire franco-russe. Paris, 2018. С. 330–333. (франц.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Avramenko S. V. Organizatsiya meropriyatij po bor'be s nezakonnoj migratsiej na rossijsko-kitajskoj granitse // KiberLeninka. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-meropriyatij-po-borbe-s-nezakonnoj-migratsiej-na-rossijsko-kitajskoj-granitse> (дата обращения: 26.08.2019).
2. Alekseev M. Kitajskaya migratsiya na rossijskom Dal'nem Vostoke // EHkko Moskvy. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1324796-echo/> (дата обращения: 27.08.2019).
3. Vashhuk A. S. Migratsionnye trendy i problemnye točki realizatsii migratsionnoj politiki na Dal'nem Vostoke Rossii (2007–2014 gg.) / A. S. Vashhuk // Vos'mye Grodekovskie chteniya. Dal'nij Vostok Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashh. 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (Khabarovsk, 15–17 apr. 2015 g.). Khabarovsk, 2015. Т. 1. С. 188–196.
4. Vashhuk A. S., Chernolutskaya E. N. i dr. Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke. Vladivostok: IIAEH DVO RAN. 2002. 229 s.
5. Vashhuk A. S., SHishkina O. E. Sostoyanie administrativnoj deliktности v sfere migratsii v 2010–2014 gg. (na materialakh Primorskogo kraja i Amurskoj oblasti) // Aziatsko-Tikhookeanskij region. EHkonomika. Politika. Pravo. Nauchnyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal. Vladivostok: DVFU, 2015. № 3. С. 90–100.
6. Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Migranty v Primor'e: mneniya, suzhdeniya, otsenki // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 16. С. 43–55.

7. Vlasti Primor'ya vvodyat zapret na rabotu inostrantsev v sfere gorodskogo transporta // BFM.RU – ofitsial'nyj sajt. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bfm.ru/news/424840> (data obrashheniya: 18 sentyabrya 2019).

8. Galushko A. S. Inostrannaya rabochaya sila na Dal'nem Vostoke budet zameshat'sya rossijskoj // Rambler. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://news.rambler.ru/baltic/38333445-galushka-inostrannaya-rabochaya-sila-na-dalnem-vostoke-budet-zameschatsya-rossijskoj> (data obrashheniya: 24.08.2019).

9. Dar'kin S. M. Tikhookeanskaya Rossiya: strategiya, ehkonomika, bezopasnost'. M.: Delo, 2007. 440 s.

10. Donets E. V., CHudinovskikh O. S. Sovremennye tendentsii migratsii v regionakh dal'nevostochnogo federal'nogo okruga // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 4 (206). S. 88–94.

11. Zakon RF ot 19.04.1991 N 1032-1 (red. ot 11.12.2018) "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/(data obrashheniya: 24.08.2019).

12. Zandanova O. F. Kvotirovanie inostrannoj rabochej sily: regional'nyj aspekt // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya. 2014. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochej-sily-regionalnyj-aspekt> (data obrashheniya: 12.08.2019).

13. Ivanov S. A. Migratsiya kitajskogo kapitala i truda v Primorskom krae // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 35–46.

14. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina KhKh – nachala KhKh v). Kn. 2. Migratsionnye vyzovy i strategii obespecheniya sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti dal'nevostochnykh territorij. Vladivostok: IIAEH DVO RAN. 229 s.

15. Ikhvanyuk I. Pouchitel'naya istoriya kontseptualizatsii migratsionnoj politiki v Rossijskoj Federatsii // Migratsii v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v trekh t. T. II. M.: Spetskniga, 2013. S. 158–194.

16. Kvotu na privlechenie inostrannoj rabochej sily v Primor'e sokratyat // Bez formata. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vladivostok.bezformata.com/listnews/kvotu-na-privlechenie-inostranno-rabochej/22796985/> (data obrashheniya: 12.09.2019).

17. Kvoty vydavat' ne budem. Kozhemyako vygonyaet inostrannuyu rabsilu iz Primor'ya. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://portofranko-vl.ru/ru/publication/kvoty-vidavat-ne-budem-kozhemyako-vygonyaet-inostrannuyu-rabsilu-iz-primorya> (data obrashheniya: 12.09.2019).

18. Kireev A. A. Vozdejstvie rossijskoj migratsionnoj politiki na dinamiku transgranichnoj migratsii iz Kitaya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 8–25.

19. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda. 8 iyunya 2012 g. № Pr-1490. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (data obrashheniya: 12.09.2019).

20. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na 2019–2025 gody (utverzhdena 31 oktyabrya 2018 goda) // Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (data obrashheniya: 10.08.2019).

21. Krasinets E. S., Kubishin E. S., Tyuryukanova E. V. Nelegal'naya migratsiya v Rossii. M.: Academia, 2000. 96 s.

22. Larin V. L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gody XX – nachalo XXI veka). M.: Vostok-Zapad, 2005. 390 s.

23. Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii. Profilaktika sotsial'nykh riskov / Pod red. O. I. Borodkinoy, N. V. Tavrovskogo. Sankt-Peterburg: Skifiya-print, 2018. 192 s.

24. Mezhehtnicheskie otnosheniya i migratsionnaya situatsiya v regionakh TSentra, Severo-Zapada, Sibiri Dal'nego Vostoka Rossii. EHkspertnyj doklad za 2018 god. M.–Omsk: "Izdatel'skij tsentra KAN", 2019. 118 s.

25. Miklushevskij V. My sokrashhaem kvoty na privlechenie inostrannoj rabochej sily // OTVPrim. [Elektronnyj resurs]. URL: https://otvprim.ru/news/news_politics/imported_Politika_24177_2013_12_18 (data obrashheniya: 05.07.2019).

26. Mishhuk S. N. Realizatsiya sovremennoj migratsionnoj politiki na Dal'nem Vostoke Rossii: federal'nyj i regional'nyj aspekty // Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika. 2018. T. 16. № 6. S. 1028–1040.

27. Mishhuk S. N. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v sel'skom khozyajstve Dal'nego Vostoka // Izvestiya RAN. Ser. Geograf. 2016. № 1. S. 38–48.

28. Pal'nikov M. S. Migratsionnaya ehkspansiya Kitaya: Vyzovy i ugrozy dlya Rossii // Aktual'nye problemy Evropy. 2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-ekspansiya-kitaya-vyzovy-i-ugrozy-dlya-rossii> (data obrashheniya: 26.07.2019).

29. Programma dopolnitel'nykh mer snizheniya napryazhennosti na rynke truda Khabarovskogo kraja v 2011 godu. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docplayer.ru/32334456-Programma-dopolnitelnyh-mer-snizheniya-napryazhennosti-na-rynke-truda-khabarovskogo-kraja-v-2011-godu.html> (data obrashheniya: 20.08.2019).

30. Putin zavavlyayet o vremennom kharaktere sokrashheniya kvot na migrantov v RF // RIA Novosti. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20081205/156594945.html> (data obrashheniya: 05.07.2019).

31. Troyakova T. G. Rabochaya sila iz KNDR na rossijskom Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 81–90.

32. Federal'nyj zakon ot 8 maya 2009 g. N 93-FZ "Ob organizatsii provedeniya vstrechi glav gosudarstv i pravitel'stv stran - uchastnikov foruma "Aziatsko-tikhookeanskoe ehkonomieeskoe sotrudnichestvo" v 2012 godu, o razvitii goroda Vladivostoka kak tsentra mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Tekhehkspert. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902155733> (data obrashheniya: 12.08.2019).

33. Federal'nyj Zakon RF ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federatsii". [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/184755/paragraph/159720:0> (data obrashheniya: 12.08.2019).

34. Vashchuk A. S. La main d'œuvre nord-coréenne en Russie // Russie – 2018: regards de l'Observatoire franco-russe. L'Observatoire franco-russe. Paris, 2018. S. 330–333. (frants.)

Ващук А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.).

В статье на основе синтеза исторической методологии и методов политологической социологии с учетом достижений предшественников и разнообразных типов источников выделены наиболее яркие черты в истории привлечения иностранных трудовых мигрантов в начале 2000-х годов. Определены новые тенденции, возникшие в этой политике на юге Дальнего Востока России до и после принятия в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а также после создания Министерства по развитию Дальнего Востока. Автор приходит к выводу, что процессу иностранной трудовой миграции придавалась очень часто этническая окраска, а это особенно воспринималось местными сообществами. Данное обстоятельство, а также линия поведения регионалов в отношении иностранных мигрантов во многом были продиктованы влиянием официального дискурса.

Ключевые слова: *иностранные трудовые мигранты, миграционная политика, Россия, Дальний Восток, принимающее сообщество, социально-политическая безопасность*

Vashchuk A. S. The policy of attracting foreign labor migrants to the Russian Far East: between the pragmatic course and the security strategy (late XX – early XXI centuries).

On the basis of the synthesis of historical methodology and methods of political science sociology, taking into account the achievements of predecessors and various types of sources, the article highlights the most striking features in the history of attracting foreign labor migrants in the early 2000s. There are identified new trends that have emerged in this policy in the South of Russian Far East before and after the adoption in 2012 of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025, as well as after the creation of the Ministry for the development of the Far East. The author comes to the conclusion that the process of foreign labor migration was often given an ethnic tinge, and this was painfully perceived by local communities. This circumstance, as well as the behavior of the regionals in relation to foreign migrants were largely dictated by the influence of official discourse.

Key words: *foreign labor migrants, migration policy, Russia, the Far East, host community, social and political security*

Для цитирования: Ващук А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.). // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 122–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/122-134

For citation: Vashchuk A. S. The policy of attracting foreign labor migrants to the Russian Far East: between the pragmatic course and the security strategy (late XX – early XXI centuries) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 122–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/122-134

